

УДК 316.4.051

ЧЕЛОВЕК НА СЕВЕРЕ ПОСЛЕ РАСПАДА СССР: ОТ ПРИЗНАНИЯ К ИГНОРИРОВАНИЮ

Т.С. ЛЫТКИНА

*Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар
tlytkina@yandex.ru*

Данная статья посвящена изучению изменений условий жизни человека на Севере после распада Союза. В фокусе внимания – депрессивный северный город с достаточно высокими запасами природных ресурсов, нереализованными возможностями диверсификации производства и снижением трудового потенциала. На материалах кейс-стади доказывается, что современный российский рынок усилил эксплуатационный (потребительский) способ освоения природных и трудовых ресурсов территории. Эффективность экономики, пренебрегающей развитием человека и локальных сообществ, ставится автором под сомнение.

Ключевые слова: режим социального исключения, жизненные стратегии населения, бедность, советское государство

T.S. LYTOKINA. MAN IN THE NORTH AFTER DISINTEGRATION OF THE USSR: FROM RECOGNITION TO IGNORING

The change in living conditions of man in the North after disintegration of the USSR is studied. The attention is focused on depressed northern city with high enough reserves of natural resources, non-realized possibilities of diversification and decrease in labour potential. On materials of case-study it is proved that the modern Russian market has strengthened the operational (consumer) way of development of natural and manpower resources of the territory. The author calls in question the efficiency of the economy neglecting the development of man and local communities.

Keywords: routine of social exclusion, life strategies, poverty, the Soviet state, monocity

Прошло более 20 лет после распада Советского Союза. По мнению Б. Кагарлицкого, прошедшее время дает возможность взглянуть на советскую повседневность с некоторой степенью отстраненности, преодолев идеологические и политические штампы, которыми зачастую нагружена дискуссия о советском [1]. Подобная дистанция позволяет признать, что Советский Союз, прошедший в течение своей истории целый ряд радикальных поворотов, был крайне противоречивым историческим феноменом, именно поэтому предлагается рассматривать его в динамике, а не как статичное целое. Жизнь в сталинский период (репрессии, ГУЛАГ, коллективизация, период Великой Отечественной войны и ее последствия) резко отличается от хрущевского периода 1960–1970-х гг., «золотого века» социализма в период правления Л. Брежнева и горбачевской перестройки конца 80-х гг. прошлого века. В настоящее время обсуждаются различные аспекты трансформации советской культуры в постсоветские времена, с точки зрения антропологов, географов, искусствоведов, историков, культурологов, политологов и социологов, филологов и философов. Однако вопросы восприятия советского прошлого в постсоветский период,

формы исторической преемственности и исторических разрывов остаются актуальными. Весьма важным также представляется обсуждение встраивания советских практик в постсоциалистическую модернность, представляющую сложную конфигурацию неолиберальных и социалистических порядков. Следует отметить и то, что на протяжении 1990-х гг. «наследие советских норм» рассматривалось чуть ли не единственной причиной слабой адаптации населения к рынку [2,3]. Однако, на наш взгляд, потенциал данного социологического объяснения исчерпан.

В данной работе мы пытаемся доказать, что ностальгия по советскому прошлому жителей Севера сохраняется, поскольку российский рынок резко ограничил возможности жителей в решении материальных проблем, профессиональной самореализации и должностной карьеры, что противоречит провозглашаемым ценностям свободы и индивидуализма при широко распространенной критике скептицизма по отношению к социалистической идеологии и практике. Основная задача – предоставить возможность быть услышанными теми, кого иногда называют «нерассуждающим большинством», или «обывателями» [4, 5], в нашем случае –

это жители одного из моногородов Республики Коми, прежде они имели статус покорителей Севера.

Через первичный анализ эмпирического материала, собранного в традициях качественной методологии с использованием стратегии кейс-стади (развернутого монографического исследования), проведена реконструкция повседневного опыта проживания советских покорителей Севера в позднесоветский и современный периоды. В фокусе анализа 39 полуструктурированных глубинных интервью с жителями г. Инта и 10 интервью с экспертами, преимущественно с представителями органов власти проведен в 2013 г.

Динамика модернизации северного региона: от традиции к распределению и рынку

Динамика исторического развития свидетельствует о существенном влиянии государственного регулирования на промышленное освоение северных территорий и городов России, и Республика Коми не исключение. Именно на советские годы пришлось развернутое широкомасштабное промышленное освоение республики, богатой природными ресурсами. С распадом СССР промышленность Коми пережила глубокий социально-экономический кризис. На 01.01.2013 г. в республике, в составе которой пять городских округов и 15 муниципальных районов, проживало 880,6 тыс. чел., что на 22% ниже, чем в 1990 г.

Рыночные реформы усилили экспортно-сырьевую ориентацию региональной экономики. События 1990-х гг. показали, насколько чревато возникновение ситуации, когда падение мировых цен на природные ресурсы откликается сворачиванием социальных программ, шоком бюджетной сферы республики, ростом социальной напряженности, обострением экономического кризиса [6]. Экономическое развитие осложняет тот факт, что до 90% предприятий республики зарегистрированы за ее пределами [7] и не заинтересованы в развитии территорий производственной деятельности. С 2010 г. существенно сокращены отчисления в региональный бюджет от налога на добычу полезных ископаемых. По оценкам экономистов Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, после глубокого кризиса 1990-х гг. последнее десятилетие экономика республики находится в стагнации. Темпы роста ВРП, напрямую зависящие от инвестиций, в этот период не превышали 5% [8]. Динамика роста совокупного ВМП региона имеет скачкообразный характер и резко дифференцирована по городам и районам [9]. Республика постепенно теряет демографическую массу [10] и снижает трудовой потенциал [11].

В статье представлены результаты исследования, проведенного в монопрофильном угледобывающем г. Инта, центре городского округа, богатом и другими природными ресурсами. В ходе работы выделено шесть этапов социально-экономи-

ческого развития г. Инта. До 1930-х гг. преобладал традиционный (сельско-промысловый) образ жизни коми населения, в основе которого лежала аграрная экономика, основанная на домашнем производстве. Инта образована на месте обитания кочевых племен оленеводов. Дальнейшее развитие территории (с 1930 г. до середины 1950-х гг.) характеризуется принудительной индустриализацией. Освоение месторождений каменного угля проводилось силами политзаключенных. Было заложено 10 шахт, и в 1943 г. отправлен первый эшелон с углем. Во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. появляются новые шахты. Строится инфраструктура для обеспечения угледобычи, ТЭЦ, паровозное депо, шлакоблочный и кирпичный заводы. 4 октября 1954 г. рабочий поселок Инта преобразован в город.

Во второй половине 1950-х до 1970-х гг. происходит смена государственной политики по привлечению трудовых ресурсов с созданием комфортных условий для работы и проживания на Севере. На данном этапе советское государство переходит с мер принуждения к поощрительным мероприятиям, обеспечивающим привлекательность работы на Севере: высокая оплата труда, ранний выход на пенсию, продолжительные отпуска. Индустриализация «по призыву» ознаменована созданием инфраструктуры города. На протяжении 1960–1970-х гг. Инта развивается ускоренными темпами. Строятся жилые дома, детские сады, школы, магазины, кафе. В 1963 г. образован индустриальный техникум, в 1969 г. открыт краеведческий музей. Введены в действие широкоэкранный кинотеатр «Север», «Дом культуры железнодорожников» и ДК «Октябрь», Дворец спорта «Шахтер» с плавательным бассейном. Увеличилась численность населения. В период 1970 – 1990-х гг. индустриальное развитие города сопровождается устойчивым притоком рабочих кадров. Наиболее активный приток населения в город наблюдается в 1960-е гг. В 1990 г. его численность достигла 70 тыс. чел. (таблица). Учитывая положительную динамику естественного прироста населения, город имеет доста-

Численность населения по городам Республики Коми, тыс. чел.

Город	1897	1939	1959	1970	1980	1990	2000	2010	2013
Воркута	-	-		185	195	217	169	110,6	88,0
Инта	-	-		61	66	70	59	36,4	32,3
Усинск	-	-			47	72	60	50,4	46,1
Сыктывкар	-	-		138	192	238	247	251,1	256,1
Республика Коми	171	319	816	964	1129	1265	1135	951,2	880,6

точное количество человеческих ресурсов для собственного внутреннего развития [12–14].

Крах угольной промышленности Севера России связан с переходом страны к рынку в 1990-е гг. Ситуация резко меняется. Город признан нерентабельным и дотационным. С целью сокращения государственных расходов на содержание города началась политика переселения избыточного населения, т.е. административные попытки оптимизации численности городского населения. К 2000 гг.

интерес к северным городам, с точки зрения реализации экспортно-сырьевой стратегии развития, возник, в том числе к Интинскому району, богато таким природными ресурсами, как уголь, золото, марганец, кобальт, кварц, хрусталь, кварцито-песчаник, пигментные красители минерального происхождения. Началось обсуждение возможности применения инфраструктуры городов для комфортной жизни вахтовых работников. В то же время на государственном уровне обсуждаются вопросы эффективного использования всех имеющихся ресурсов (не только природных) территории в условиях рынка и замены ресурсодобывающей стратегии развития экономики на диверсификационную.

Прошлое Инты: теплые воспоминания о советском и по-советски

Советский Союз закончился, все закончилось (муж).

Представленные ниже воспоминания респондентов относятся к периоду 1970-х – началу 1990-х гг. Для них советское прошлое ассоциируется с выбором места работы, возможностями самореализации, поступления в ВУЗ до 35 лет, в том числе по комсомольским путевкам, через рабфак, профессиональной и должностной мобильности на протяжении трудовой биографии. Особую гордость вызывала трудовая траектория от рабочего до директора предприятия. Опыт работы на предприятии и полученные профессиональные знания ценились высоко. Иными словами, самоопределение выпускника общеобразовательного звена не прекращалось вместе с окончанием школы или другого учебного заведения, так же как будущие перспективы не заканчивались представлениями жизни одного поколения.

В советское время родители не настаивали на получении высшего образования для своего ребенка, не потому что ценность высшего образования была низкой, а потому что рабочая профессия позволяла жить безбедно, и сохранялась возможность при желании повысить уровень образования позже. Выбор рабочей специальности и, соответственно, раннее начало трудовой биографии представляли собой реализацию краткосрочной перспективы в воплощении жизненных стратегий советских людей – решение материальных проблем семьи с началом трудовой карьеры. Получение высшего образования определяло доступ к социальным благам [15–17]. В условиях масштабного освоения северных территорий и строительства новых городов неравенство в некоторой степени нивелировалось благодаря различным мерам стимулирования жизни и работы человека на Севере.

Одной из поощрительных мер являлся высокий статус рабочего-шахтера, покорителя Севера – человека могучего силой и духом. В рамках пространства города это способствовало формированию территориальной общности. При этом сохранялась сопричастность к гражданам Союза, государству, где статус «поборителя», «шахтера», по мнению респондентов, выравнивался: «*все были равны*», а значимость денег снижалась: «*деньги – это было не самое главное*».

Следующим отрывком из интервью хотелось бы озвучить опыт проживания рабочих на Севере – возможность выбора профессиональной самореализации без ущерба для материального достатка семьи.

Романтика закончилась вместе с Советским Союзом и комсомолом. Как только макнули лицом в действительность, в зарабатывание денег, на этом романтика и закончилась. Когда все были равны, была романтика, тогда было интересно. Дома сидеть или в леса податься куда-нибудь, в геологическую партию или там в геодезическую. Вот особенно геодезические, очень интересная работа была. А сейчас-то что? Сейчас только деньги (муж).

Примечательно, что эти слова из интервью принадлежат весьма успешному сегодня местному жителю с высшим образованием, имеющему свой бизнес не только внутри изучаемой территории, но и за ее пределами, он работает по весьма востребованной и хорошо оплачиваемой специальности, однако даже у него советское прошлое вызывает ностальгию.

Материальные стимулы на Севере занимали особое место. Высокие заработки позволяли не только тратить деньги на повседневные нужды и отдых, но и откладывать деньги на приобретение жилья за пределами региона, как правило, «на родине», поближе к родственникам. Такие долгосрочные планы и их успешная реализация представляли альтернативную экономику советского государства, позволяющую решать материальные проблемы семьи и самостоятельно заработать деньги на покупку жилья в лучших климатических условиях без помощи государства. Иногда происходила трансформация «города-рабочего места» в «родной дом», но практически все приехавшие на заработки планировали возвращение на родину. Иными словами, в отличие от большинства советского населения «поборители Севера» сами себе зарабатывали средства на приобретение жилья в более комфортной климатической зоне («на материке»). Работа на Севере становилась долгосрочной вахтой. В сознании населения прочно укрепился стереотип «*богатый дядя с Севера*», который должен был поддерживать свой статус и щедро одаривать родственников подарками.

Высокие заработки в Инте (и на Севере в целом) соотносятся со справедливой оценкой системы оплаты труда, учитывающей тяжелые климатические условия проживания и работы, связанные с подрывом здоровья и риском для жизни.

Обращает внимание тот факт, что, несмотря на достаточно высокий миграционный приток населения, новые горожане не нуждались в долгой социальной адаптации. Каждый новый житель быстро включался в трудовую коллектив и легко находил себе друзей. Именно трудовой коллектив являлся механизмом консолидации социальных сил в советский период [18], через него формировались не только трудовые отношения, но и повседневные практики взаимоотношений людей.

Очень хорошо было, все очень хорошо. <...> Все очень хорошо. Хороший город, добрые люди. Шахтерский город, привыкать не приходилось. Длинная зима, очень здорово. Вот. А летом всегда на юг. Каждый год (муж).

Отношения людей... ну, может я был помоложе, был круг общения широкий, шахтеры, люди неординарные все такие, открытые, свободные, так чтобы кто-то свой тормозок один съел так не бывало, пошли и все (муж).

Несмотря на замкнутость, северные территории не отягощались ощущениями периферийности, отдаленности от Центра, отрезанности от внешнего мира. Большие расстояния легко преодолевались прямыми авиалетами не только внутри республики, но и далеко за ее пределами. Самолеты всегда были переполнены пассажирами. Конечно, как и все советские люди, они не могли выехать за рубеж (за исключением стран Восточной Европы), но у них имелись альтернативы для поездок на отдых.

А я в минус 5 в Таллинне, хорошо. Балтика не замерзшая, пляж, м-м, песня. Ликерчик, кофе, все дела. Я говорю, Советский Союз, вспоминаешь, престель. Даже еще в 90-х, когда на шахту строился работать, было интересно. Я с армии пришел в 90-м, до декабря поработал, надоело. Устал... Устал, надоело точнее. Думаю, дай-ка я что-нибудь замучу. Пришел, взял 5 дней отпуска за свой счет, у меня 2 дня отгула еще было, неделя, на следующее утро на самолет, через 4 часа я в Адлере. И неделю в Сочи в декабре месяце. Плюс 16, хорошо, красное вино. Девчонки местные, замечательно. 58 рублей билет стоил при зарплатке в 700... Причем, до Москвы 27 рублей билет стоил на самолет. Утренним рейсом улетел, вечерним прилетел. Все, пообедали в ресторане, пивка попили в «Печоре», например. Сумасшедших денег стоило блюдо супчик из черепах, целых 5 рублей 80 копеек. Бутылка водки 9 рублей стоила, а тут 5,80 стоил супчик из черепах. Эксклюзив (муж).

В качестве недостатков советского прошлого информанты приводят дефицит товаров. Автор следующего отрывка отмечает, что снабжение города было «питерским» и на прилавках магазинов в изобилии были представлены предметы длительного пользования. Проблема, с точки зрения респондента, была не в наличии товара, а в его однообразии. К такому положению дел относились с юмором, как возможности идентификации «своих» (интинцев) за пределами города.

Здесь было однообразие, но дефицита не было. То есть просто было как бы в старое советское время, хорошо вспоминаются, разовые акции. То есть вот приходит зима, зимняя одежда, «аляски», дубленки, шубы, кроссовки импортные зимние. Обувь любая: итальянская, венгерская, болгарская, все, пожалуйста, просто все это было, партию, ух, завезли. И все одинаковые. Нормально (муж).

Несмотря на идеализацию прошлого, респонденты признают, что советская система нуждалась в реконструкции, но не в столь радикальном виде как это произошло.

Я всегда на все смотрел прогрессивно, я считал, что тот строй, который был при социализме, он уже закостенел, что нужно было, что видоизменить, очень многие вещи тормозились наглухо, совсем не так, как хотелось тоже <...> Я спрашивал: почему бы нам не сделать частные магазины, частные кафе, столовые, частные ателье? Но ни в коем случае как сейчас отдавать железную дорогу, энергетику, – это отдавать в частные руки нельзя. Стратегическое все это. Тяжелая промышленность. Все это должно быть, как минимум под государственным контролем и с государственным управлением (муж).

С нашей точки зрения, это означает присутствие критической рефлексии населения на переломе двух социальных систем: сравнение рыночных возможностей и соотнесение их с жизненным опытом в советский период, осознание утраты стабильности и социальной защищенности, изменение ценностных ориентиров и способов социального взаимодействия. Что особенно ярко проявилось в словах другого специалиста, жителя города, а также в характеристиках повседневной жизни горожан сегодня, которая будет описана далее.

Нет, не все было хорошо в советское время, но крепкую четверку поставить можно, а сейчас только двойку. Верните нам Советский Союз (муж).

Настоящее Инты: признаки «умирающего» города

Все считают, что если я приезжаю с Севера, у меня мешок с деньгами.

Я говорю: «Приезжайте, дам мешок с лопатой, зроби!

Пожалуйста, мне не жалко» <...>

Так что живем мы фиговенько! (жен).

В настоящее время северные города находятся в режиме социального исключения (термин С. Ярошенко [19]). Неслучайно, что осмысление современного периода происходит посредством ограничения выбора жизненных стратегий и возможностей самореализации человека в обмен на широкий выбор потребительских товаров. Сегодня объемы доходов определяют социальный статус человека, а должность – стабильность позиции в социальной структуре общества. Если для жителей крупных российских городов становятся актуальными долгосрочные стратегии поведения, направленные на зарабатывание денег, профессиональную и должностную карьеру, то свобода выбора форм жизнеобеспечения и стратегий профессиональной самореализации северянами ставится под сомнение. Приходит осознание, что выгоды от рынка извлекают лишь избранные, незначительная часть населения [18]. Она же устанавливает правила игры в обществе. В результате советскому прошлому противопоставляется современная действи-

тельность, порождающая незнакомые ранее ощущения периферийности, чувства отдаленности от Центра, отрезанности от внешнего мира, социальной исключенности и ненужности. Данные чувства находят свое отражение в повседневных практиках безразличия к территории и сообществу.

Очень сильные последние 3-4 года присутствуют пессимистические настроения в городе. Просто-напросто, причем у всех, что депутаты, что просто жители, единицы, старики наши, еще как-то об Инте вспоминают, потому что в хорошие времена жили. Всем остальным уже все равно. Я говорю, мне уже стало все равно (муж).

Восприятие реальности в качестве социально несправедливой снижает уровень удовлетворенности жизнью населением, усугубляя отток наиболее квалифицированных специалистов в более благополучные регионы России. Молодежь, получившая образование в центральных ВУЗах, не видя перспектив профессиональной самореализации в родном городе, стремится закрепиться по месту учебы или в другом городе, но только не в Инте. Родители их поддерживают в этом.

Оставайся там (респондент рассказывает о старшей дочери, которой 25 лет, обучалась в Санкт-Петербурге, сейчас там живет и работает – прим. Т.Л.). Живи там, потому что здесь делать нечего. Работы здесь нет. Куда ей идти здесь работать. Некуда. <...> В Питере осталась..., а смысл ехать сюда? Здесь смысла нет. Оставаться на Севере и особенно молодым. Вот сейчас кричат власти: вот надо молодым оставаться! За каким лешим им здесь оставаться. Здесь перспективы никакой нет (жен).

Родители осознают, что их дети, для того чтобы адаптироваться к условиям жизни большого города, вынуждены работать на трех работах с надеждой, что в будущем они смогут сделать профессиональную и должностную карьеру, получать достойный заработок. И родители, и дети готовы испытывать серьезные лишения ради призрачных надежд, потому что их место проживания, несмотря на экономический потенциал территории, больше не предоставляет тех благ, на которые они рассчитывали. Происходит осознание эксплуатации территории и человеческих ресурсов. Данное ощущение привязано к конкретному месту проживания:

Как можно жить в такой богатой природными ресурсами республике и жить так бедно? (жен). Почему вся страна живет на трубе, а те, кто добывают, живут так бедно? (муж).

Падение уровня жизни населения, низкое качество услуг (транспортных, здравоохранения) воспринимаются как признак разрушения среды проживания.

Снижение социального самочувствия населения вызвано контрастом сопоставления возможностей развития территории и результатов реальной хозяйственной практики. В ходе исследования респондентами были названы следующие перспек-

тивные стратегии развития территории: дальнейшее освоение природных ресурсов, развитие сельского хозяйства и туризма, легкой промышленности, наконец, сохранение территории в качестве площадки для вахтового метода работы.

Освоение природных ресурсов.

Далеко ходить не надо. Вот, пожалуйста, рядом у нас предприятие добывает кварц. Кварц находится в Желанном. Минерально-сырьевая база ресурса у нас в республике, мы должны как в Кувейте жить. Почему-то китайцы делают уже из него хрустальные бокалы, которые звенят 47 секунд. А мы что на это не способны? <...> Почему у нас буксует все? Почему? Почему у нас месторождения в частные руки ушли, проданы? Почему? (жен).

Развитие сельского хозяйства и туризма.

Почему вокруг этого оленя туризм не организовать? Да создайте инфраструктуру некоторую. Сюда будут ездить. Почему бы не приехать? Не покататься на оленях. Вокруг этого, допустим, оленьего стада организовать катание на снегоходах. <...> А там какая красота в горах. Для того чтобы туда поехать, посмотреть, как этот кварц добывают, эти штольни. Там все играет, все светится. А в каких красивых местах это все находится? А какая вода там льется? Вот сейчас я оттуда ехала. Там голубой лед от чистоты этого снега, от чистоты всего вокруг (жен).

Развитие легкой промышленности.

Из нее (шкуры оленя) надо делать замшу. <...> Швеция сегодня делает из оленьих шкур такую замшу, что у них Версаче покупают на платье (жен).

Вахта.

Ну уже сейчас многие ездят на вахту... Вы знаете сейчас человеческий фактор не очень-то учитывается. Ездить на вахту со средней полосы России... очень вредно для здоровья, это климатические перепады. И вы не знаете, сколько семей рушится из-за этого. Да и вахта вдали от дома... нет в этом особой радости. Поэтому такие города, построенные в советское время, хоть и говорят сейчас, что это нерентабельно, но точно гуманней по отношению к человеку (муж).

Также осознается необходимость инвестиций в развитие локальности, неспособной уже сегодня самостоятельно генерировать доходы внутри территории. В то же время примеры сотрудничества с предприятиями-варягами, зарегистрированными за пределами республики, ведущими производственную деятельность на территории северных городов, хорошо демонстрируют незаинтересованность руководителей предприятий в развитии территории, в том числе с точки зрения привлечения трудовых ресурсов на местах.

Основных специалистов они привозят своих. Наши идут туда только, ну, скажем, так, с большим трудом попадают туда, по-

тому что в основном, видно, специфика, что нужно.<...> На том моменте они приспособились бы, ну работали водителями, электриками, сторожами. Такая работа (муж).

В свою очередь, жители города, невостребованные в качестве трудовой силы по месту проживания, *вынуждены* трудоустроиваться тем же вахтовым методом в другие населенные пункты. Другие *вынуждены* приспосабливаться под нужды частного бизнеса, предоставляя свободное жилье в аренду, открывая частные магазины по продаже предметов первой необходимости*. Данные возможности «открываются» благодаря привлечению трудовой силы извне, но следует отметить, что для локальности такие виды сотрудничества являются краткосрочными стратегиями развития территории, не компенсирующими ущерба от добычи природных ресурсов. Получаемые муниципалитетом доходы недостаточны для развития альтернативных способов жизнеобеспечения территории. Местный рынок труда остается ограниченным.

С каждым последующим годом происходят депрофессионализация и снижение уровня мотивации среди работников, в то время как у работодателя появляется серьезный аргумент в пользу дальнейшей политики привлечения дешевой рабочей силы «извне». В результате вахтовый метод работы, который однозначно оценивается сегодня как наиболее экономичный и рациональный метод организации производства по сравнению с традиционной «оседлой» моделью [21], не учитывает риски и последствия принимающей территории. Иными словами, взаимосвязь частных инвестиций и извлечение максимальной выгоды обоснованы рынком, но они противоречат формированию долгосрочных стратегий развития территории. По сути, мы наблюдаем эффект бумеранга, отражающий отношение к местному населению в глубоких экономических преобразованиях страны. И если в советский период попали коренные жители региона, то на этот раз в число «исключенных» попадают бывшие покорители Севера, которые становятся его заложниками, и спасение утопающих становится делом рук самих утопающих [22, 23].

Таким образом, динамика исторического развития свидетельствует о существенном влиянии государства на промышленное освоение северных территорий и городов. Советская политика 1970 – 1980-х гг. по отношению к Северу рассматривается респондентами как справедливая и гуманная.

Если бы не деньги Союза, то Инта такой бы не стала. Нормальным таким, хорошим городом.

Нарративы респондентов носят оценочный, сравнительный характер прошлого и настоящего. Почти 20-летнее отсутствие перспектив обуславливало «чемоданное» настроение его жителей и ностальгию по советскому прошлому, которое ассоциируется с возможностями самореализации, выбора места работы, отдыха и жительства, а также

ощущением социальной значимости в большой стране. Ностальгия по советскому прошлому сохраняется, но только потому, что рынок резко ограничил возможности жителей в достижении материального благополучия, профессиональной самореализации и должностной карьеры. В настоящее время именно ограничения внешней среды продолжают препятствовать успешной адаптации населения к рынку, в том числе деформированный институциональный каркас, обеспечивающий прежде социальную самореализацию человека на Севере, а теперь – выпадение на «дно» и привыкание к постоянной бедности.

Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований УрО РАН, проект «Социальный потенциал Российского Севера: сети, доверие и практики взаимопомощи» №12-У-7-100 (2012-2014), а также проекта «Теоретико-методологические подходы к оценке демографической и миграционной емкости северных территорий с учетом элементов экологической безопасности для нужд хозяйственного освоения Арктики» (2012-2014) № 12-7-5-001. Арктика.

Литература

1. *Кагарлицкий В.* Загадка советского сфинкса // СССР: Жизнь после смерти/Под ред. И.В.Глушценко, Б.Ю.Кагарлицкого. М.: ВШЭ, 2012. С. 8–16.
2. *Тихонова Н.Е.* На пути к новой стратификации российского общества // *Общественные науки и современность.* 1998. № 3. С. 30.
3. *Балабанова Е.С.* Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм: стратегия «негативной адаптации» // *Социологические исследования.* 1999. № 4. С. 46–57.
4. *Виноградский В.Г.* Крестьянские семейные хроники // *Социологический журнал.* 1998. № 1/2. С. 130–144.
5. *Клеман К., Мирясова О., Демидов А.* От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. М., 2010.
6. *Кротов П.П.* Симптомы «Голландской болезни», найдется ли лекарство? Возможности экономической стабилизации ресурсного региона // Республика Коми: власть, бизнес, политика. Социологические этюды: Сборник статей. Сыктывкар, 1998. С. 8–30.
7. *Стыров М.* Экстерриториальность финансового капитала промышленности: угрозы безопасности Севера России (по материалам Республики Коми) // *Материалы VII Северного социально-экологического конгресса.* М.: ООО «Первая оперативная типография». 2012. С. 302–307.
8. *Гаджиев Ю.А., Аюпов В.И.* Тенденции экономического роста северных регионов России // *Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере.* Сыктывкар, 2013. С.182–188.

* Аналогичная ситуация в соседнем северном городе – Воркута [20].

9. Колечков Д.В. Динамика производства валового муниципального продукта в Республике Коми // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере. Сыктывкар, 2013. С. 58–67.
10. Фаузер В.В. Негативный вектор миграции // Регион. 2011. № 5. С. 36–39.
11. Попова Л.А., Терентьева М.А. Сравнительная характеристика динамики трудового потенциала регионов Северо-Западного федерального округа // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 5 (29). С. 98–111.
12. Города и районы РК. Социально-экономические показатели статистического сборника. Сыктывкар, 2010.
13. Демографический ежегодник Республики Коми. Статистический сборник. Сыктывкар, 2013.
14. Статистический ежегодник РК: Статистический сборник. Сыктывкар, 2001.
15. Кротов П.П., Буравой М., Лыткина Т.С. Жилищная стратификация города: эволюция советской модели. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2003.
16. Лыткина Т.С. Экономическое поведение «новых бедных» в условиях социальной трансформации: Дис. ... канд. соц. наук. М., 2005.
17. Лыткина Т.С. Контроль над производством, или столкновение интересов участников трудовых отношений капиталистического предприятия // Современный менеджмент: проблемы, гипотезы, исследования. Сб.науч.тр. М.: ВШЭ, 2009. С. 431–439.
18. Лыткина Т.С. Социальная биография исключения в постсоветской России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. XIV. №1 (54). С. 87–110.
19. Ярошенко С.С. Северное село в режиме социального исключения // Социс. 2004. №7. С. 71–83.
20. Нуйкина Е.В. Влияние вахтового метода на принимающие города Российского Севера (на примере г. Воркуты) // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2013. Вып. 2 (14). С. 107–116.
21. Черепанов Е.В. Особенности использования вахтового метода освоения и эксплуатации газовых месторождений: на примере Ямало-Ненецкого авт. окр. М.: Академия народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации, 1998.
22. Лыткина Т.С. Социальный капитал в решении социальных проблем: практики солидарности бедных в Республике Коми // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. XV. №3 (62). С. 130–154.
23. Лыткина Т.С. Социальное самочувствие и поведение сельских жителей Севера и Юга России (на примере Республики Дагестан и Коми) // Россия и современный мир. 2008. №2. С. 181 – 189.

References

1. B.Kagarlitsky. Mystery of the Soviet sphinx// SSSR: Zhizn' posle smerti/ Ed. I.V.Glushcheenko, B.Yu.Kagarlitsky. M.: VShE, 2012. P. 8-16. (in Russian)
2. N.E.Tikhonova. On the way to new stratification of the Russian society// Obshchestvennie nauki i sovremennost'. 1998. No. 3. P. 30. (in Russian)
3. E.S.Balabanova. Social and economic dependence and social parasitism: strategy of "negative adaptation"// Sotsiologicheskie issledovaniya. 1999. No. 4. P. 46-57. (in Russian)
4. V.G.Vinogradsky. Peasant family chronicles// Sotsiologicheskii zhurnal. 1998. No.1/2. P. 130-144. (in Russian)
5. K.Kleman, O.Miryasova, A.Demidov. From inhabitants to activists. Arising social movements in modern Russia. M., 2010. (in Russian)
6. P.P.Krotov. Symptoms of the "Dutch illness", whether there will be a medicine? Possibilities of economic stabilization of the resource region// Respublika Komi: vlast', biznes, politika. Sotsiologicheskie etyudy: Sbornik statei. Syktyvkar, 1998. P. 8-30. (in Russian)
7. M.Styrov. Exterritoriality of financial capital of the industry: threats to safety of the North of Russia (on materials of the Republic of Komi)//Materialy VII Severnogo sotsialno-ekologicheskogo kongressa. M.: OOO "Pervaya operativnaya tipographia", 2012. P. 302-307. (in Russian)
8. Yu.A.Gadzhiev, V.I.Akopov. Tendencies of economic growth of northern regions of Russia// Politicheskie, ekonomicheskies i sotsiokulturnie aspekty regionalnogo upravleniya na Evropeiskom Severe. Syktyvkar, 2013. P. 182-188. (in Russian)
9. D.V.Kolechkov. Dynamics of manufacture of gross municipal product in the Republic of Komi// Politicheskie, ekonomicheskies i sotsiokulturnie aspekty regionalnogo upravleniya na Evropeiskom Severe. Syktyvkar, 2013. P. 58-67. (in Russian)
10. V.V.Fuuzer. Negative vector of migration// Region. 2011. No. 5. P. 36-39. (in Russian)
11. L.A.Popova, M.A.Terentyeva. Comparative characteristic of dynamics of labour potential of regions of Northwest federal district// Ekonomicheskies i sotsialnie peremeny: fakty, tendentsii, prognoz. 2013. No. 5 (29). P. 98-111. (in Russian)
12. Towns and regions of the Republic of Komi. Social and economic indices of the statistical collection. Syktyvkar, 2010. (in Russian)
13. Demographic annual of the Republic of Komi: Statistical collection. Syktyvkar, 2013. (in Russian)
14. The Republic of Komi statistical annual: Statistical collection. Syktyvkar, 2001. (in Russian)
15. P.P.Krotov, M.Buravoi, T.S.Lytkina. Housing stratification of a city: evolution of the Soviet

- model. Syktyvkar: Komi nauchny tsentr UrO RAN, 2003. (in Russian)
16. *T.S.Lytkina*. Economic behaviour of "new poor" in conditions of social transformation: Diss. ...kand. sots. nauk. M., 2005. (in Russian)
 17. *T.S.Lytkina*. The control over manufacture or collision of interests of participants of labour relations of the capitalist enterprise// *Sovremenniy menedzhment: problemy, gipotezy, issledovaniya: Sb. nauch. tr. M.: VShE, 2009. P. 431-439.* (in Russian)
 18. *T.S.Lytkina*. Social biography of exception in the post-Soviet Russia// *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoi antropologii. 2011. Vol. XIV. No. 1(54). P. 87-110.* (in Russian)
 19. *S.S.Yaroshenko*. Northern village in the regime of social exception//*Sotsis. 2004. No.7. P. 71-83.* (in Russian)
 20. *E.V.Nuikina*. Influence of shift work on receiving cities of the Russian North (on example of Vorkuta)// *Izvestiya Komi Nauchnogo tsentra UrO RAN, 2013. Issue 2 (14). Syktyvkar. P. 107-116.* (in Russian)
 21. *E.V.Cherepanov*. Peculiarities of use of shift work in development and exploitation of gas deposits: on example of Yamal-Nenets Autonomous Area). M.: Akademia narodnogo khozyaistva pri pravitelstve Rossiiskoy Federatsii, 1998. (in Russian)
 22. *T.S.Lytkina*. Social capital in solution of social problems: practice of solidarity of poor in the Republic of Komi// *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoi antropologii. 2012. Vol. XV. No. 3(62). P. 130-154.* (in Russian)
 23. *T.S.Lytkina*. Social feeling and behaviour of countrymen of the North and the South of Russia (on example of the Republics of Dagestan and Komi)//*Rossiya i sovremennii mir. 2008. No.2. P. 181-189.* (in Russian)

Статья поступила в редакцию 19.06.2014.